

дела и промолчала. Постыдилась. Так и живет себе фильм, и авторам в отличие от меня не стыдно.

Другой вариант.

Глубоко мною уважаемый (прежде) человек, большой художник, став начальником, повел себя крайне неблагородно по отношению к младшим коллегам, оказавшимся от него в прямой зависимости. Увы, косвенно этот сюжет затрагивает и меня, и потому я не чувствую себя вправе выступить со статьей по этому поводу. Но мои коллеги, знающие о происшедшем и не менее возмущенные, молчат. Из деликатности. Как же: такой большой художник! И опять никому не стыдно.

Вообще критика в последнее время стала жутко деликатной. В том числе и по отношению к себе самой. Сколько раз в кулуарных разговорах приходилось слышать: «такой-то и такой-то в статье наворотили фактических ошибок целый вагон. Фильмов, о которых пишут, похоже, вообще не видели». Ну так, ребята, вам и карты в руки. Чем злословить, взяли бы да написали, чтоб неповадно было. Чтоб выверяли материалы, чтоб отвечали за каждое написанное слово, чтоб, наконец, читателя в заблуждение не вводили.

Из такого рода частностей складывается постепенно некий общий стиль. Когда критика и журналистика из деликатности молчат (только молчат!) о постыдном и непрофессиональном, то за это перестает быть стыдно. То, стало быть, отчего ж бы и нельзя?

Мне хорошо известно, как трудно «поднять перо» на талантливого художника, сделавшего плохую картину или плохо сыгравшего роль. Они, художники, не только ранимы, не только болезненно относятся к критике, но и часто злопамятны, а подчас и мстительны. Впрочем, последнее как раз и не пугает, только подстегивает профессиональный азарт. Пугает именно ранимость: жалко хорошего человека обижать.

Деликатность

Еще неприятнее — «разборки» с товарищами по критическому цеху. Ладно еще, если кто-то «добросовестно заблуждается». А если явно и беззастенчиво врет? И сам потом признается: да, мол, вру, но есть важные мотивы...

Сказать про это публично, написать об этом? Ох, тяжко. И не потому даже, что рискуешь ввязаться в затяжную войну, в которой все средства окажутся хороши, — это бы полбеды. А вот товарища, собрата по перу задеть неловко.

Но, черт возьми, может быть, тогда следовало выбрать другую профессию? Ведь в конце концов критик, который любим всеми, которому ни разу не довелось «обидеть» кого-то из практиков, это, извините, нонсенс. В случае чего ведь можно и не дружить им промеж собой, если трудно совмещать профессиональное с личным.

Деликатность...

Мне всегда казалось, что под этим словом подразумевается нечто совсем иное. Деликатность — это, извините, брезгливость, не позволяющая рыться в частных подробностях ситуации, породившей сюжет фильма «Сукины дети». Смотрите, господа, и оценивайте само кино, хорошо оно или дурно, а не вычисляйте прототипы.

Деликатность — это умение податься над собственным гневом и найти достойные, не хамские определения даже тому, что привело в ярость.

Деликатность, наконец, — это способность верить в то, что критикуемый тобой актер, драматург, режиссер, даже если он не сделал до сих пор ничего, заслуживающего одобрения и похвалы, может это сделать и вот-вот сделает. То есть способность никого не зачислять в «безнадежные». И знаете, какая редкая, но большая радость для критика, когда такое вдруг происходит. Но пока не произошло, надо, преодолев нелов-

КОНТРАЖУР

НА ПРЕЗЕНТАЦИИ нового журнала «Сеанс» во время XVII Московского международного кинофестиваля главный редактор «Сеанса» Любовь Аркус сказала, что по тону ее журнал исходит из принципа деликатности по отношению к художнику и нежелания кого-либо обидеть.

Не скрою, меня эти слова зацепили. Так вышло, что среди кинематографистов-практиков у меня, кинокритика, немало друзей или просто добрых знакомых. И надо сказать, передо мною в моей профессиональной деятельности часто возникает дилемма: писать, что думаешь, и тем самым иной раз обидеть кого-то из них или промолчать и сохранить добрые отношения.

К счастью, среди кинематографистов все же достаточно широко мыслящих людей, понимающих, что профессиональный долг критика — быть честным. В противном случае — дисквалификация и низведение собственной профессии до роли услуги: «чего изволите?»

Есть замечательный способ для критика остаться «деликатным»: наметнуть на то, что видишь и понимаешь все, но «кошку кошкой не называть». Читаю в «Экране и сцене» от 11 июля с. г. статью В. Матизена «Авторское, актерское, аматерское...» и вижу, что, говоря об одной из конкурсных лент фестиваля, «Отец», сделанной в Австралии, коллега упоминает о сходстве сюжета с лентой Коста Гавраса «Музыкальная шкатулка». Ну сходство и сходство, чего не бывает. Тем более что фильма Коста Гавраса советский зритель не видел. А «сходство» на самом деле таково, что либо мы имеем дело с прямым плагиатом, либо права на этот сюжет были приобретены, и тогда это то, что называется на профессиональном языке «римейк». Но почему в титрах не указан автор сюжета?

В свое время я вот так же поделикатничала и до сих пор об этом жалею. Ну лучше поздно, чем никогда. Так вот: очень давно, в середине 70-х, смотрю я себе фильм А. Бобровского по сценарию Ю. Семенова «Жизнь и смерть Фердинанда Люса».

Смотрю и глазам своим не верю, равно как и ушам. Одна из ключевых сцен фильма буквально дословно взята из... ни за что не догадаетесь, откуда: из «Бесов» Достоевского. А именно — сцена самоубийства Кириллова. Я ви-

Экран и сценка —

с. 6-7

№ 31 (83), 1 августа 1991 г

кость, говорить то, что думаешь, что видишь, что понимаешь. Приятного, конечно, мало, когда говорят, что ты зол, неделикатен, нехорош.

Что ж: придется потерпеть.

Ирина ПАВЛОВА.

08.91.

Павлова Ирина